

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

| О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа / On Landscape Boundaries: an Unorthodox View of a Physical Geographer |

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

*Институт водных и экологических проблем СО РАН, Барнаул, Россия
Ведущий научный сотрудник, доктор географических наук, доцент*

*Institute for Water and Environmental Problems, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul, Russia
Leading researcher, Doctor of Science in Geography, Associate Professor
chernykh@mail.ru*

О ГРАНИЦАХ ЛАНДШАФТА: НЕОРТОДОКСАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД ФИЗИКО-ГЕОГРАФА

Ландшафтная концепция является одной из наиболее привлекательных форм представления пространственно распределенной информации. Она базируется на нескольких постулатах: 1) о слоистом характере организации информации в географическом пространстве; 2) об иерархическом устройстве географического пространства и 3) о границах как неотъемлемом атрибуте географического пространства. Ландшафт сближает на современном этапе позиции социальных наук и физической географии. Вопрос постоянства-непостоянства ландшафтных границ сам по себе бесперспективен. Все рассуждения о границах ландшафта рано или поздно упираются в категорию «время». Воплощение социальной активности в пространственных формах является мощным ландшафтообразующим фактором. Одним из его проявлений является культурная диффузия. Она может наблюдаться в таких «ландшафтных» проявлениях, как экономическое поведение населения и ценностные ориентации. Политические границы, при определенных условиях, также могут формировать границы ландшафтов. Однако такие ситуации нельзя считать универсальными. Для понимания сути ландшафтных границ большие перспективы имеет использование концепции инварианта. Под инвариантом понимается набор стабильных признаков ландшафта, принимаемый исследователем или наблюдателем. Поднимаемые в статье вопросы иллюстрируются примерами из опыта изучения ландшафтов Западной Сибири и Алтая.

Ключевые слова: ландшафт, граница, пространство, иерархия, инвариант, пространственный поворот, спатIALIZация, культурная диффузия, Сибирь.

ON LANDSCAPE BOUNDARIES: AN UN-ORTHODOX VIEW OF A PHYSICAL GEOGRAPHER

The landscape concept is one of the most attractive forms for representation of spatially distributed information. The concept is based on 1) the layered organization of information in geographic space, 2) the hierarchical organization of geographical space, 3) the borders as an integral part of geographical space. Spatially, the landscape makes Social Sciences and Physical Geography closer. The issue of constancy - inconstancy of landscape boundaries itself is unpromising. Speaking of the landscape boundaries, a researcher resorts to a "time" category in the long run. The implementation of social activity into spatial form is a powerful land forming factor. Cultural diffusion is one of its manifestations. Some manifestations of cultural diffusion are landscape ones, e.g. economic behavior and value orientation of the population. Political limits can also form the landscape boundaries under certain conditions, but such situations should not be considered as universal ones. The concept of invariant suggests good prospects for determination of landscape boundaries. Invariant is a set of stable characteristics of the landscape accepted by a researcher or an ob-

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

| О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа / On Landscape Boundaries: an Unorthodox View of a Physical Geographer |

server. The issues discussed above are illustrated by the examples of landscape studies in West Siberia and Altai.

Key words: landscape, border, space, hierarchy, invariant, spatial turn, spatialization, cultural diffusion, Siberia.

Введение

Термин «ландшафт» в настоящее время широко используется как в науке, причем не только в географии, так и в целом ряде сфер практической человеческой деятельности. При этом даже в географии отдельные определения ландшафта сильно противоречат друг другу, а то и являются взаимоисключающими. Многочисленные интерпретации ландшафта и культурного ландшафта^{1,2}, политического ландшафта³, появившиеся на рубеже XX и XXI вв. в связи с развитием культурной и гуманитарной географии, активно циркулируют сейчас в науках географического цикла, смежных науках и околonaучной литературе. Какими бы извращенными не казались географам-ландшафтоведам некоторые из этих трактовок, следует согласиться, что понятие ландшафта уже де-факто стало общекультурным, а естественно-географическое его понимание – только его частью.

Почему же ландшафт как объект изучения, созерцания или среда обитания, столь востребован в обществе? Если обозначить ландшафтную концепцию как особую форму представления пространственно распределенной информации, то она привлекательна в силу того, что позволяет, опира-

ясь на ограниченное количество постулатов, выявлять и отображать связи между объектами и явлениями разной природы. Ключевыми из этих постулатов, при всем многообразии трактовок самого термина «ландшафт», являются следующие: 1) представление о послыном характере организации информации в пространстве (ключевой постулат ландшафтного анализа); 2) представление об иерархическом устройстве пространства, выстроенное на порождаемой взаимосвязанностью слоев идее упорядоченности (ключевой постулат ландшафтного синтеза) и 3) представление о границах как неотъемлемом атрибуте пространства (ключевой постулат ландшафтного диагноза).

Данные постулаты – фундамент ландшафтной концепции, а всё остальное – субъективные пристрастия исследователей. По большому счету, непринципиально, рассматривается ли человек в качестве неотъемлемого (а то и центрального) атрибута ландшафта, как это заявляют представители гуманитарной географии, или внешнего по отношению к нему фактора и стороннего наблюдателя, как это было принято в классическом ландшафтоведении. Также не столь важно, присутствуют ли в принимаемой исследователем ландшафтной иерархии ключевые ступени или это, говоря словами советского ландшафтоведа Д.Л. Арманда⁴, лестница без лестничных площадок. Видимо, также стоит согласиться с В.Л. Каганским⁵, утверждающим, что иерархии в ландшафте не универсальны.

¹ Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Ин-т Наследия, 2004. С. 13–36.

² Калущков В. Н. Этнокультурное ландшафтоведение // Вестник МГУ. Сер. 5. География. – 2006. – № 2. С. 6–12.

³ Туровский Р.Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 1995. – №3. С. 33–44.

⁴ Арманд Д.Л. Наука о ландшафте. М.: Мысль, 1975. 288 с.

⁵ Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты //

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

| О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа / On Landscape Boundaries: an Unorthodox View of a Physical Geographer |

То, что реальное физическое пространство представляет собой систему, состоящую из отдельных взаимодействующих слоев (оболочек, геосфер) обозначили еще древние философы и естествоиспытатели. На геосферной концепции во многом базируется современная физическая география. Однако в последнее время повышенный интерес к пространству в очередной раз демонстрируют социальные науки^{6,7}. Применительно к ним даже модно стало говорить о «пространственном повороте». При этом широко распространено мнение о том, что в социальном пространстве представлено множество подпространств, слоев или полей: экономические, культурные, информационные, политические, образовательные, научные и др. Эти подпространства можно рассматривать как своеобразные аналоги земных оболочек. Можно возразить, что применительно к социальному пространству, как правило, не говорят о слоях в чистом виде, непосредственно залегающих один над другим (по типу пирога или торта, как это видится в физической географии). Но ведь и в постклассическом ландшафтоведении, признающем полиструктурность или полиморфизм физического пространства^{8,9,10}, подсистемы ландшафта рассматриваются скорее не как «слои», а в более широком контексте, – как «поля».

Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4(5). С. 26–40.

⁶ Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб: Владимир Даль, 2008. – 273 с.

⁷ Иванов О.И. Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. №2. С. 49–64.

⁸ Раман К.Г. Пространственная полиструктурность топологических геокомплексов и опыт ее выявления в условиях Латвийской ССР. Рига: Изд-во Латв. ун-та, 1972. 48 с.

⁹ Ретеюм А.Ю. Положение ландшафтной теории и путь ее обновления // Структура, функционирование, эволюция природных и антропогенных ландшафтов: тез. докл. X ландшафтной конф. СПб, 1997. С. 4–7.

¹⁰ Коломыйц Э.Г. Полиморфизм ландшафтно-зональных систем // Изв. РАН. Серия географ. 1999. № 6. С. 21–31.

Считается, что социальное пространство стремится реализоваться в физическом пространстве, становясь овеществленным социальным пространством или присвоенным физическим¹¹. Поэтому используемый Пьером Бурдьё термин «ансамбль полей» созвучен термину «ландшафт». Оба они подразумевают взаимную согласованность, упорядоченность, гармоничное сочетание, неконфликтность частей целого. Правда, необходимо заметить, что Бенно Верлен, например, предлагает разделять две формы социальных процессов – присвоение и трансформацию. По его мнению, присваивается пространство, а трансформируется природа¹². Тем не менее, то что социальное пространство понимается как упорядоченная комбинация послойно организованной информации сближает на современном этапе позиции социальных наук и физической географии.

Исходя из сказанного, существование единого и единственно верного видения ландшафта в принципе невозможно. Это, в первую очередь, объясняется тем, что исследователь, в зависимости от исходных установок и профессиональной принадлежности, конструируя ландшафт, отдает предпочтение разным слоям. Перефразируя слова В.Л. Каганского¹³, кто-то отдает предпочтение «площади и объему», а кто-то – «понятиям и смыслам». И те, и другие, по-своему, правы, поэтому попытки узурпировать понятие «ландшафт» представляются бесперспективными.

В этой связи проблема ландшафтных границ приобретает особое значение и может быть рассмотрена в нескольких аспектах.

¹¹ Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

¹² Цит. по: Филиппов А.Ф. Социология пространства, 2008.

¹³ Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта..., 2011.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

| О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа / On Landscape Boundaries: an Unorthodox View of a Physical Geographer |

Границы ландшафтов в пространстве и времени

Проблема границ является одной из ключевых в исследованиях, так или иначе связанных с пространством. Здесь нет смысла затрагивать вопросы, которые ставятся по отношению к границам как таковым: их условность или реальность, объективность или субъективность, абсолютность или множественность. Этим вопросам посвящено немало работ, как в рамках географии, так и лимнологии. Предлагается посмотреть с позиций границ именно на феномен ландшафта, причем с упором на роль в формировании ландшафтных границ человеческого фактора.

Разговор о ландшафте без границ не имеет смысла. Этот тезис в той или иной форме мы находим в работах многих исследователей, оперирующих понятием «ландшафт». Один из основоположников отечественного ландшафтоведения Н.А. Солнцев еще в 1958 г. говорил, что весь практический смысл физико-географического районирования заключается в том, чтобы оконтурить на земной поверхности участки, обладающие известной однородностью природных условий¹⁴. Таким образом, само понятие «районирование» он, с некоторыми условностями, отождествлял с проведением границ. Уже в XXI в. Т.И. Коновалова¹⁵ отмечает, что системные исследования географических объектов требуют выделения их из среды других в качестве самостоятельной единицы, выявления внешних и внутренних взаимосвязей, тенденций изменения. По ее мнению, ландшафт обладает качественной и количественной спецификой. Количественные характеристики, варьируясь до оп-

ределенных пределов, не изменяют качества объекта и лишь за границей (мерой) количества возникает новое качество.

В.П. Семенов-Тянь-Шанский рассматривал границы как вообще всякое место смены географических явлений¹⁶. Однако уже тот факт, что ландшафт, в чьей бы трактовке это понятие не использовалось, являет собой многокомпонентную, многослойную систему, предъявляет определенные требования к тому рубежу, который претендует на статус ландшафтной границы. Тот же В.П. Семенов-Тянь-Шанский, говоря об универсальных районах, которые вполне можно отождествлять с ландшафтами, утверждал следующее. По его мнению, каждая мозаика простых районов, к которым Семенов-Тянь-Шанский относил районы, построенные на основе одного признака, имеет право на существование. Однако приблизиться к универсальному району, можно лишь при наложении мозаики одних простых районов на мозаику других¹⁷.

Принцип наложения частных видов районирования и выделение в качестве ландшафтных границ линий или зон совпадения границ частных районов неплохо «работает» в физической географии. Однако, когда говоря о ландшафте, мы оперируем не только «площадями и объемами», но и «понятиями и смыслами», этот принцип должен дополняться (контролироваться) «изнутри». Иными словами, в качестве мерила ландшафта должна рассматриваться его внутренняя структура, сохраняющаяся однородной на всем протяжении («ландшафт, как разнородная однородность»). В этой связи, перспективным представляется обращение к предложенному В.Б. Сочавой, но до сих пор недостаточно разработанному и раскрытому на региональном материале и, более того, не до конца осознанному даже ландшафтоведами от физиче-

¹⁴ Солнцев Н.А. О некоторых принципиальных вопросах физико-географического районирования // Научные доклады высшей школы. Серия геол.-геогр. наук. 1958. № 2. С. 10–17.

¹⁵ Коновалова Т.И. Геосистемное картографирование. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2010. 186 с.

¹⁶ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.-Л.: Госиздат, 1928. 311 с.

¹⁷ Там же

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

| О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа / On Landscape Boundaries: an Unorthodox View of a Physical Geographer |

ской географии, понятию инварианта. Согласно Сочаве, географические системы представлены коренными структурами и переменными состояниями, подчиненными одному инварианту¹⁸. Иными словами, инвариант применительно к ландшафту, это набор стабильных признаков, принимаемый исследователем или наблюдателем. Изменения состояний ландшафта при постоянном инварианте есть не что иное, как динамика (инвариантность). Однако динамика характеризуется неустойчивостью и эфемерностью границ, поэтому без учета инварианта есть риск принять эфемерные границы за границы ландшафтов.

Безусловно, каждое воздействие человека на природный ландшафт оставляет в нем свой вещественно-энергетический и информационный след. И права Т.И. Коновалова утверждающая, что эти следы выполняют двоякую функцию: с одной стороны, блокируют потоки или оказывают на них тормозящее воздействие, с другой – служат дополнительными центрами активности¹⁹. И в том и другом случае со временем можно говорить о формировании новых ландшафтных границ. Перефразируя известное высказывание В.П. Семенова-Тян-Шанского, можно констатировать, что ландшафты живут и изменяются в пространстве, а изменения эти сводятся к их слитию и раздроблению, а также к рассасыванию или зарождению²⁰.

Человек, говоря словами Поля Верлена, «присваивая пространство и трансформируя природу»²¹, конструирует и осмысливает ландшафт (культурный ландшафт) с оглядкой на его инвариант. Именно поэтому в горах, например, где градиенты различных природных факторов быстро меняются в пространстве, смежные участки контра-

стнее, а границы между ними резче, человек чаще приспосабливается к исходному природному ландшафту, чем подминает его под себя. С другой стороны, на равнинах, где много плавных ландшафтных переходов, в ходе освоения происходит упрощение исходной ландшафтной структуры.

Вообще все рассуждения о ландшафтных границах рано или поздно упираются в категорию «время». «Момент создания затерян в прошлом; исчезновение неминуемо» – фраза А. Лефевра²² вполне применимая к ландшафту. Поэтому не могу согласиться с В.Л. Каганским, утверждающим, что в постижении ландшафта несомненен приоритет морфологии над генетизмом и историзмом²³. Хотим мы того или нет, но говоря о ландшафте, в конечном счете необходимо пояснять: о ландшафте какого временного среза идет речь. В противном случае это выглядит как неоправданный редукционизм, о непродуктивности которого говорит и сам В.Л. Каганский²⁴. Недооценивая роль исторического фактора в формировании современных ландшафтов, он, тем самым, повторяет ошибку своих оппонентов – многих отечественных ландшафтоведов, которые, хотя и декларировали приоритет генетического принципа в выделении ландшафтов (ландшафт – пространственно-временная категория), в реальных региональных исследованиях в большинстве случаев ограничивались констатацией морфологии ландшафта (холмистый, западинный), а в лучшем случае – генезисом его рельефа (ледниковый, эрозионный и т.д.). Как нельзя уместным по поводу пространства, в котором мы обитаем и которое мы познаем, представляется мнение П. Бурдьё: физическое пространство, понимаемое как проекция социального пространства, есть объективация и натурализация прошлых и настоящих

¹⁸ Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. 319 с.

¹⁹ Коновалова Т.И. Геосистемное картографирование. 2010.

²⁰ Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. 1928.

²¹ Цит. по: Филиппов А.Ф. Социология пространства. 2008.

²² Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. 2002. Т.2. № 3. С. 27–29.

²³ Каганский В.Л. Исследование российского культурного ландшафта..., 2011.

²⁴ Там же.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

| О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа / On Landscape Boundaries: an Unorthodox View of a Physical Geographer |

социальных отношений²⁵. Об этом же говорит и Алан Пред: собрания зданий, образцы землепользования, артерии коммуникаций – все то, что собственно и составляет «место как сцену», не может появиться и вписаться в ландшафт сразу, в готовом виде из ничего²⁶.

То, насколько важно для понимания современных ландшафтов, характеристики их структуры и границ привлекать информацию о ландшафтах прошлого, прекрасно иллюстрирует территория Западной Сибири, историю освоения которой мы можем проследить по архивным материалам и литературным источникам.

В период до начала русской колонизации хозяйственно-политические подразделения Тюменского / Сибирского юрта примерно соответствовали природным зонам и течениям крупных рек, а характер транспортной системы менялся в разных типах ландшафтов²⁷. Заселение Западной Сибири русскими первоначально шло по рекам, единственным удобным ее дорогам в это время, – сначала по Иртышу и Оби, потом начинает ветвиться по притокам этих рек. Благодаря счастливому расположению сибирских рек, сближающихся между собой притоками, русские быстро проникали из одного бассейна в другой²⁸. Вдоль рек, с севера на юг, вначале строились и российские крепостные линии. То есть уже в это время пространственная организация ландшафтов начинает приобретать характерные черты освоенных территорий, а именно, каркасно-сетевую форму²⁹.

Следует, однако, оговориться, что в начальный период русской колонизации одни и те же

элементы ландшафта или, если говорить в терминах физической географии, – ландшафты-аналоги, в данном случае – реки, выполняли противоположные функции в различных фоновых природных условиях. Если в северной половине Западно-Сибирской равнины реки, как говорилось, служили основными путями сообщений, то в южной, где кочевали тюркские племена Сибирского юрта, они чаще рассматривались как барьеры, водопои или ориентиры для передвижений³⁰.

Активное освоение речных долин и прилегающих к ним пространств в таежной и лесостепной зонах привело к коренной трансформации структуры и внешнего облика ландшафтов. Примером, наглядно демонстрирующим то, что исключительно по физиономическим чертам нельзя судить о современных ландшафтах, является Бараба – ныне почти безлесная территория в Западной Сибири. А.Ф. Миддендорф во время своей поездки, имевшей место в 1870 г., отмечал повсюду сохранившиеся вдоль р. Оми следы былых лесов, а также видные повсюду опустошительные следы огня и широкомасштабных рубок. Лишь кое-где, на довольно большом расстоянии от реки, посреди степи он встречал лесные острова, которые благодаря сырости, окружающей их ранней весной, предохранены от губительного действия огня. Эти лесные острова лучше ограждены и от дровосеков, которые скорее готовы отправляться на несколько дней езды вверх по реке, чем перетаскивать срубленный лес до реки хотя бы за полверсты³¹. И сейчас, говоря о Барабе, мы представляем, прежде всего, безлесную территорию, где леса распространены спорадически по понижениям.

Постройка Транссиба на рубеже XIX и XX вв. существенно изменила сложившуюся к тому времени систему расселения и коммуникаций на юге Западной Сибири. Авторы справочника Азиат-

²⁵ Бурдые П. Социология политики. 1993.

²⁶ Филиппов А.Ф. Социология пространства. 2008.

²⁷ Рассказов С.В. Юго-Западная Сибирь: эволюция пространственных структур общества (с XV в. до настоящего времени) // Диссерт. канд. геогр. наук. М., 2009. 142 с.

²⁸ Головачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1905. 401 с.

²⁹ Каганский В.Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. – № 6. С. 23–34.

³⁰ Рассказов С.В. Юго-Западная Сибирь. 2009.

³¹ Миддендорф А.Ф. Бараба (приложение к XIX тому Записок Имп. Академии наук № 2). СПб: Типография Императорской Академии наук, 1871. 123 с.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

| О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа / On Landscape Boundaries: an Unorthodox View of a Physical Geographer |

ская Россия³² констатируют, что к началу XX в. пассажирское движение по сибирским рекам теряет свое значение. Сибирская железная дорога подорвала важность речного пути по Оби и ее притокам от Томска до Тюмени. Пассажирское пароходство между Тюменью и Томском прекращается в 1901 г., 12 пароходов в Тюмени были «привязаны», часть остальных пароходов переведена на Иртыш³³. Сибирская железная дорога подорвала и значение Тюмени как регионального центра. Поэтому уже в начале XX в. высказывается мысль о том, что шансы на сохранение своего прежнего положения у Тюмени остаются только в том случае, если будет проложена железная дорога на Тобольск и Омск. В то же время, железная дорога, пересекая Иртыш около Омска, не только дала импульс в развитии этого города, но и необыкновенно усилила движение по Иртышу: вверх, из Тюкалинского и Ишимского уездов, и вниз, из Семипалатинской области к Омску направились огромные грузы хлеба и продуктов скотоводства. Иртыш оказался судоходным не только до Семипалатинска, но доступным для пароходов даже выше озера Зайсан. Во время русско-японской войны железная дорога занята почти исключительно военными грузами, поэтому пароходное движение по Иртышу и Оби значительно оживилось³⁴.

Таким образом, современные ландшафты являются пространственно-временными образованиями. Их границы и характерные черты формировались в процессе длительной эволюции природных условий и проходящей на фоне этой эволюции истории народов.

³² Азиатская Россия: иллюстрированный географический сборник, составленный А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М.: Т-во И.Н. Кушнерев и К^о, 1903. 583 с.

³³ Головачев П. Сибирь. 1905.

³⁴ Там же.

Границы ландшафтов: перспективен ли поиск новых универсальных критериев?

То, что градиенты отдельных природных факторов образуют рубежи, которые ландшафт преодолеть не может и которые в любом случае будут являться его границами, очевидно. Так, один ландшафт не может располагаться в пределах двух термических поясов или двух морфоструктур. Но могут ли какие-то из многочисленных проявлений социальной активности выступать в качестве таких универсальных факторов, предопределяющих границы ландшафтов?

Безусловно, спатIALIZация в широком смысле, т.е. воплощение социальной активности и вещей (материальной культуры) в пространственные формы³⁵, является мощным агентом или, говоря языком ландшафтоведения, ландшафтообразующим фактором. Это утверждение несколько не противоречит базовым постулатам ландшафтной концепции. Существуют многочисленные примеры того, что ландшафт (гармоничное целое частей или «ансамбль полей») формируется в результате социальной активности. Например, в результате усилий по преодолению исходной природной неоднородности, которая осложняет хозяйственную деятельность. А ландшафтный эффект от подпруживания реки определяется не тем, подпружена ли она в результате природного процесса или подпруда имеет антропогенное происхождение, а морфометрическими характеристиками плотины, самой реки и ее долины. Кстати, различные смысловые нагрузки на отдельные территории, например, в виде стереотипирования и идолизации каких-либо местностей, служат надежным маркером не только природных, но и многих созданных человеком ландшафтов.

В то же время, ландшафтообразующую роль социального поля или одновременно несколь-

³⁵ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сad, 1994. 408 с.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

| О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа / On Landscape Boundaries: an Unorthodox View of a Physical Geographer |

ких полей (социальное поле как ландшафтообразующий фактор), в силу их преходящего характера, проследить значительно сложнее, чем роль отдельных природных факторов.

Можно предположить, что одним из наиболее мощных среди социальных ландшафтообразующих факторов является культурная диффузия. Под культурной диффузией традиционно понимается взаимное проникновение культурных черт и комплексов из одного общества в другое при их соприкосновении³⁶. В то же время известный американский антрополог и культуролог А.Л. Крёбер, находившийся под сильным влиянием естественных наук, определял культурную диффузию с ареалогических позиций, как процесс, в ходе которого тот или иной культурный элемент, принятый в одном месте, воспринимается в соседних (и не только) ареалах³⁷. Как отмечает В. Николаев в послесловии к переводному изданию избранных работ Крёбера, для него культурный ареал – это географически ограниченное образование, неразрывно связанное с конкретной территорией. В понятие культурного ареала Крёбер вкладывал смысл, схожий с понятием естественного ареала: это уникальная культурная целостность, складывающаяся на ограниченном участке территории и характеризующаяся внутренней целостностью и взаимосвязью образующих его элементов. Так, в работе «Культурные и естественные ареалы туземной Северной Америки» он писал, что культурные целостности во многом соответствуют региональным флорам и фаунам, которые представляют собой совокупности видов, но могут быть также рассмотрены как суммарные сущности³⁸.

Культурная диффузия может наблюдаться в таких, в значительной мере «ландшафтных», про-

явлениях, как экономическое поведение населения и ценностные ориентации. Обычно культурную диффузию рассматривают в нескольких фазах. Так, А.Н. Наймушина называет четыре фазы культурной диффузии: первичная фаза – фаза формирования инновации (вслед за Р. Диксоном); вторичная фаза – диффузия в узком смысле слова; третья фаза – фаза укоренения; четвертая фаза – фаза переосмысления³⁹. Уже в третьей фазе, и уж тем более в фазе укоренения, можно говорить о формировании посредством культурной диффузии новых ландшафтных границ. Таким образом, культурная диффузия приводит к перестройке сначала структуры ландшафтов, а затем его восприятия. Если же этой перестройки не происходит, или еще не произошло, то формируется некий дуализм восприятия ландшафта. Показательным здесь является пространство российских пригородов. В последние годы отмечаются своеобразные инвазии, т.е. переезд на постоянное жительство в пригородную зону горожан, которые при этом продолжают сохранять устойчивые связи с городским сообществом. «Новые» и «старые» жители села по-разному воспринимают окружающий ландшафт. При этом одни и те же изменения ландшафта выступают для первых символом присвоения пространства, а для вторых – его утраты⁴⁰. Так, если для «старых» жителей незастроенное пространство является освоенным, то для новых – оно неосвоенное, дикое. С точки зрения границ ландшафта для первых пригород будет являться частью сельского, хотя и разрушаемого ландшафта, для вторых – это городской ландшафт, хотя и его периферийная часть. Можно предполо-

³⁶ Кравченко А.И. Культурология: учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект, Грифаст, 2003. 496 с.

³⁷ Крёбер А.Л. Избранное: Природа культуры / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1008 с.

³⁸ Там же.

³⁹ Наймушина А.Н. Закономерности и фазы культурной диффузии // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. № 164. С. 78–86.

⁴⁰ Григоричев К.В. Пригородные сообщества как социальный феномен: формирование социального пространства пригорода // Автореф. дис. докт. соц. наук. Хабаровск, 2014. 48 с.

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

| О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа / On Landscape Boundaries: an Unorthodox View of a Physical Geographer |

жить, что в течение 1-2 поколений такой дуализм исчезнет⁴¹.

В некотором смысле противоположным культурной диффузии выглядит структурирование пространства через выстраивание системы управления. Но всегда ли это детерминирует формирование ландшафтных границ? Безусловно, нет. Как государственное или иное административное деление не везде подчиняется единому принципу, и уж тем более не следует одному природному фактору, а значит не содержит в себе ничего, напоминающего естественный закон⁴², так и политико-административные границы не будут тождественны ландшафтными. Как природные границы (границы исходных природных ландшафтов) остаются, перефразируя слова А.Т. Бикбова, случайностью по отношению к политическому порядку, так и он, в свою очередь, является случайным (факультативным) по отношению к физической морфологии⁴³.

Карл Хаусхофер, много внимания уделявший соотношению природных и политических границ, после долгих рассуждений приходит к интересному заключению, которое я бы назвал ландшафтными. Хаусхофер справедливо полагал, что среди природных рубежей в качестве политических границ наиболее часто выступают границы по водотоку (Wasserlaufgrenze) или границы по водоразделу (Wasserscheidegrenze). Причем, в административно-политическом отношении водотоки чаще игнорируются многими народами. Например, как отмечает Хаусхофер, такая ситуация имела место у германцев, в частности, у франков, которых называли народом, живущим у рек⁴⁴. Но живущий у рек народ, утверждает Хаусхофер, обитает на

обоих берегах. Более того, продолжает он, с прогрессом культуры и цивилизации, индустриализации и ростом плотности населения граница по водотоку становится более проницаемой, изменчивой, более охваченной борьбой⁴⁵.

Граница по водоразделу в форме вертикальной проекции чаще закрепляется, следовательно, выполняет функции разделения с большей перспективой на постоянство. Причем, высотные формы, особенно если они одновременно являются водоразделами, действуют как устанавливающие границы лучше, чем более враждебны они жизни, чем более препятствуют сношениям⁴⁶. Квинтэссенцией рассуждений Хаусхофера является то, что несколько природных факторов (а это ничто иное как выход на ландшафт), имеют больше преимуществ стать политической границей, чем один⁴⁷. Так, лесные и заболоченные области могут вступить в жизненное содружество (симбиоз) с некогда установившимися границами по водотоку (Wasserlaufgrenze) и границами по водоразделу (Wasserscheidegrenze), усиливающими разделяющую способность⁴⁸.

Перевернув с ног на голову это заключение Хаусхофера, можно констатировать, что и политические или административные границы, при определенных условиях, могут формировать границы ландшафтные. Большинство политических режимов пытается насытить ландшафт признаками своего присутствия и идеологическими символами, а каждая из политических культур вносит свои изменения в природный ландшафт и тем самым проявляет себя в качестве ландшафтообразующего фактора⁴⁹. Если следовать терминологии Р.Ф. Туровского, воплощенный композиционный слой политического ландшафта стремится «переструкту-

⁴¹ Там же.

⁴² Бикбов А. Социальное пространство как физическое: иллюзии и уловки // Отечественные записки. – 2002. – № 6(7). URL: <http://strana-oz.ru/2002/6/socialnoe-prostranstvo-kak-fizicheskoe-illyuzii-i-ulovki> (дата обращения: 10.12.2014).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.

⁴⁵ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. 426 с.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Туровский Р.Ф. Политический ландшафт..., 1995.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

**| О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа / On Landscape
Boundaries: an Unorthodox View of a Physical Geographer |**

ризовать» структуру, образованную природным композиционным слоем, в том числе изменить внешний облик ландшафта⁵⁰. Как результат, на изначально однородном пространстве ландшафта политические границы, рассматриваемые как барьерные, т.е. ослабляющие внутренние связи, могут все более приобретать функции ландшафтных. Признаки такого рода дифференциации уже достаточно ярко прослеживаются на Кулундинской равнине по обе стороны от границы между

Российской Федерацией (Алтайский край) и Казахстаном (Павлодарская область).

В то же время такие ситуации нельзя считать универсальными. Объекты социального происхождения не обязательно коренным образом нарушают естественное состояние ландшафтов. Чаще, как заметил А. Лефевр (2002), остров остается островом, залив – заливом, река – рекой, холм – холмом и т.д.⁵¹.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Лефевр А. Производство пространства. 2002.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Дмитрий Владимирович ЧЕРНЫХ / Dmitry CHERNYKH

**| О границах ландшафта: неортодоксальный взгляд физико-географа / On Landscape
Boundaries: an Unorthodox View of a Physical Geographer |**

